

Б. Д. Беспарточный

Ментальность и правосознание современной России

Каждая культура и цивилизация вырабатывает определенную, только им присущую систему ценностей, от которой зависит и правопонимание, и правосознание общества. Поступки людей варьируются главным образом в зависимости от культурных парадигм и моделей, господствующих в обществе. Для обозначения культурных особенностей различных общностей, в которых закрепляются такие модели, в культурологии было введено понятие ментальности. В свое время для выделения предмета своих исследовательских интересов этот термин выбрали французские историки и культурантропологи школы «Анналов», предпочтя его «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим более или менее близким по смыслу понятиям, введенным социологией культуры и психоанализом.

По их мнению, в человеческом сознании в той или иной форме находят свое преломление самые разные проявления бытия, закрепляясь в системе образов, представлений, символов. Именно поэтому изучение стиля представления людей, способов и форм организации мышления, конкретных и образных картин мира, запечатленных в сознании и культуре, рассматривается, как возможность понять логику культурно-исторического процесса в целом и отдельных его социокультурных феноменов.

Формирование социально-правовых установок, детерминирующих становление и развитие правосознания, определяется не только рациональными детерминантами и внешним социальным воздействием, а во многом прошлым опытом, как бы «осевшим» в «теле» индивидов. Цель данной статьи состоит в выявлении диалектической взаимосвязи между формированием правосознания и ментальными структурами человеческого сообщества.

Приверженцами точки зрения школы «Анналов» в нашей стране стали, прежде всего, представители исторической культурологии. Менталитет, например, по мнению А. Я. Гуревича, представляет тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания, и люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т. е. бессознательно [3, с. 227]. А. Я. Гуревич справедливо полагает, что понятие «ментальность» до известной степени заменимо понятием «картина мира» с той лишь разницей, что картина мира – это в значительной мере осознанное представление, зафиксированное в конкретных произведениях культуры, в тех или иных разновидностях идеологии (сравните такие распространенные понятия, как «научная картина мира», «религиозная картина мира», «художественная картина мира» и т. д.), в то время, как ментальность не фиксируется и не определяется сознанием, не формулируется дискурсивно, но в большей степени переживается (эмоционально, чувственно) и реализуется поведенчески, спонтанно. Как правило, тот или иной человек не способен ответить на вопрос, какова его картина мира, или объяснить свое поведение, мироощущение. Между тем, именно ментальная картина мира включает в себя наиболее общие и малоизменяемые от поколения к поколению следующие представления: о пространстве и времени в их соотношенности между собой, о добре и зле, о свободе и равенстве, о праве и норме, о труде и досуге, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории и национальном своеобразии, о соотношении нового и старого, о жизни и смерти, о бессмертии и Боге, о личности и ее отношении к социуму, в том числе государству, обществу, власти, коллективу, нации.

Ментальность воплощает в себе то общее, что лежит в основе сознательного и бессознательного, логического, рационального и эмоционального, интуитивного, мышления и поведения, веры и образа жизни, общественного и индивидуального, теоретического и практического, рутинного существования и не-

повторимого творчества, истории и современности, изменяемого и неизменного в эпохе, этносе, нации, церкви, гражданском обществе, типе деятельности, культуре, цивилизации. Именно предельная обобщенность менталитета, конституирующего национальную культуру и ее содержание, делает его неуловимым и не формулируемым для его носителей, не отливающимся ни в понятийные, ни в конкретно-образные формы; его абстрактность может выражаться лишь в условных метафорических, ассоциативных формах или восприниматься интуитивно и провиденциально (как ниспосланность свыше, как судьба, историческая миссия, богоданность или, в случае кризиса, как историческая заброшенность, рок, нравственно-духовная исчерпанность, богооставленность).

Черты, определяющие в целом ментальность той или иной культуры, в отличие от идеологических, социально-политических, коммерческих и иных культуротворческих факторов, характеризующихся значительным динамизмом, спонтанной текучестью, а значит, поверхностью, отличаются большой стабильностью и не меняются столетиями. Более того, ментальность национальной культуры, даже претерпевая некоторые изменения в ходе истории, все же остается в своей основе постоянным свойством, что позволяет идентифицировать культуру на всем ее историческом пути: от зарождения до расцвета и, может быть, гибели. Так, национальное своеобразие русской культуры узнаваемо и на стадии Крещения Руси, и в период монголо-татарского ига, и в царствование Ивана Грозного, и во время Петровских реформ, и при жизни Пушкина, и в «Серебряный век», и при советской власти, и в эмиграции, и на современном смутном этапе посттоталитарного развития России. Речь здесь идет, таким образом, не столько о самоидентичности культуры на протяжении тысячелетий, сколько о цивилизационном единстве России, и следует говорить о чем-то большем, нежели национально-культурный менталитет, – а именно: о ментальных предпосылках или основаниях сложившейся в России цивилизации, т. е. о факторах культуругенеза в России.

Российская история, равно как и история русской культуры, отличается особой прерывистостью, дискретностью, о чем и писал Н. А. Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма». Однако и русская культура, и российская государственность, и существование русской нации (в ее эволюции от древнерусской народности к великорусской, а затем и к так называемой новой исторической общности – советскому народу) прошли более чем тысячелетнюю историю, и на всех этапах культурно-исторических метаморфоз (насчитываем ли мы вслед за Бердяевым «пять разных России» или, с учетом прошедшего со времени первой публикации этого труда полувека, даже более девять или десять исторических подтипов русской культуры и российской цивилизации) эта тысячелетняя история российской цивилизации сохраняла вполне определенное знаково-семантическое и духовно-ментальное единство.

В 1993 году в редакции журнала «Вопросы философии» прошло заседание круглого стола на тему: «Российская ментальность», участники которого затрагивали вопросы ее природы и изменений, ценностных ориентаций и основных характеристик. В ходе дискуссии указывались важные составные компоненты российской ментальности: разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности, облачение национальной идеи («русской идеи») в мессианские одежды, открытость или отзывчивость.

Но совершенно прав А. П. Огурцов, утверждая, что против каждой из этих характеристик можно найти контрфакты и контраргументы. Например, неумение жить в настоящем и обращенность в будущее можно рассматривать как характеристику «утопически-тоталитарного сознания, характерного для истории России последнего столетия, но не для всей истории России». И такие проблемы постоянно будут возникать, если пытаться определить ментальность народа или этноса через набор ее характеристик.

Правда, многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина «ментальность» достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и культурологические рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя ее к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира.

Но историки школы «Анналов» особо подчеркивают, что ментальность есть не набор характеристик, а система взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы. «Это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом, объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [4, с. 52]. Эта дефиниция, данная Ж.Дюби, в сущности, и стала первым определением картины мира человека и общества, как «подвижной системы образов и представлений, определяющих поведение людей».

Сознание и особая психологическая оснащенность – суть достояния индивида. Но в каждом обществе, на каждой стадии его развития существуют специфические условия для структурирования индивидуального сознания: культура и традиция, язык и образ жизни, религиозность и правовое сознание – они

образуют своего рода матрицу, в рамках которой и формируется ментальность. Тем самым эпоха, в которой живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, предоставляет ему строго определенные виды психических реакций и поведения. Те же самые черты ментальности обнаруживаются как в коллективном сознании общественных групп, так и в индивидуальном сознании, творчестве наиболее выдающихся представителей эпохи (при всех неповторимых и уникальных их особенностях).

Таким образом, теория и история ментальностей исходит из того, что социальное поведение человека вовсе не строится на основе непрерывной аналитической деятельности. Ментальность – это далеко не философские, научные и эстетические системы, она отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли. Ментальность чаще всего остается рационально не выявленной. Это уровень сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от подсознательных стереотипов и шаблонов. Люди ими пользуются обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их логическую обоснованность. Важнейшие черты мировидения «погружены в еще более аморфную массу эмоций, представлений и образов, которые называется ментальностью».

Сегодня ученые-обществоведы переходят к комплексным трактовкам понятия ментальности. Этот подход объединяет историко-психологическую и социокультурную трактовки данного термина. Эта точка зрения исходит из положения о человеке как части культуры, представляющей собой совокупность практикуемых данным обществом основных способов производства и взаимодействия с природой, деятельности социальных институтов и других регуляторов современной жизни, а также включающая в себя верования, иерархию ценностей, мораль, право, особенности межличностного поведения и самовыражения, тот или иной язык, способы передачи опыта через поколения.

Ментальность может рассматриваться как способ и метод изучения общественных и цивилизационных структур исторического процесса в целом, т. е. изучения ментальности выступает как метод исторического познания. Гораздо большее прикладное значение имеет изучение ментальности конкретной эпохи, конкретной социальной группы или класса. В этом случае изучение ментальности теснейшим образом связано с исследованием социокультурной стратификации общества. Предположением о фундаментальной однородности мыслительных установок и способов чувствования, присущих изучаемой эпохе, противопоставлена дифференцированная картина эмоционального мира и психической оснащенности людей, принадлежащих к разным субкультурам (социокультурный подход к теории ментальности). Человек в этом контексте рассматривается как представитель субкультуры, которая в значительной мере формирует специфику его сознания, в том числе и правового сознания, и определяет его поступки. При рассмотрении менталитета как сложного социокультурного феномена оказывается, что его характеристики зависят как от положения людей в обществе, так и от множества достаточно случайных социальных и внешнеполитических факторов. Следует иметь в виду, что понятие ментальности, как всякое научное понятие – это результат определенной абстракции, и его нельзя полностью «привязать» к поведению и мышлению каждого отдельного индивида. Элиминируя действие случайных факторов, можно выделить, во-первых, менталитет определенной социальной группы данного этноса на конкретной ступени его исторического развития (с привязкой к определенному типу социокультурных отношений). Во-вторых, абстрагируясь от особенностей менталитета разных социальных групп, можно выделять его общие черты.

С учетом этих обстоятельств, необходимо рассуждать как о русском, так и о российском менталитете (который близок к русскому и характеризует российский суперэтнос – все этносы России, связанные единой исторической судьбой с наиболее крупным, «государствообразующим» русским этносом). Черты российского менталитета можно рассматривать как единую систему, «выводимую» из условий существования и развития русского народа, всего российского суперэтноса и российского государства.

В юридических науках для обозначения национальных особенностей правовой культуры закономерно применять понятие правового менталитета. В настоящее время оно относится к числу фундаментальных в общей теории правосознания. В первую очередь это связано с тем, что без данной категории исследование глубинных структур юридической психологии, идейных основ правосознания индивида, социальной группы, общества практически невозможно, ибо понимание правосознания, правовой культуры «требует не только право-рационального объяснения, но и интуитивного проникновения в исходные элементы правовой сферы социума» [1, с. 31]. Само же существование менталитета предполагает наличие в значительной мере иррациональных механизмов жизненного понимания права. Различные кризисные моменты в истории России являются своеобразным фоном возникновения новых форм правового сознания. И здесь крайне важно учитывать наличие некоего «правового чувства» у людей, генетически передаваемого от поколения к поколению, которое и фиксируется в понятии правового менталитета.

Говоря о культурно-историческом и духовном статусе правового менталитета, следует подчеркнуть его определенную автономность по отношению к правосознанию. Правовой менталитет не тождествен последнему, сохраняет особенную идентичность, содержит неисчерпаемые внутренние силы. Своей ответственностью правовому менталитету рефлексия по поводу собственного места в ряду других правовых феноменов показывает его культурную и духовную самобытность.

Соотношение правосознания и правового менталитета отличается диалектической сложностью, подчас трудной определимостью, духовной неоднозначностью. Категория «менталитет» не должна подменять «сознание». У менталитета свое, особенное место в психологических и идеологических структурах сознания. Оно обусловлено социальными, этническими, религиозными, научными, культурными и иными стереотипами людей, самобытностью их включенности в тот или иной социум и цивилизационный контекст. В системе элементов юридического сознания правовая ментальность предстает в виде глубинного слоя сознания, в определенной мере, смыкаясь с бессознательным правовым уровнем, с юридическим подсознанием.

В отличие от правосознания, правовая ментальность, есть духовно-правовая психологическая инварианта, имеющая консервативные формы воспроизводства присущих ей ценностей. Она есть тот стержень, при помощи которого правовая культура общества этнически «пульсирует», функционально обеспечивает собственную культурную «самость». В этом случае правовая культура предстает как особое качественное правовое состояние [9, с. 575]. Правовой менталитет в структуре своего внешнего бытия – правового сознания, выполняет функцию его упорядочения, стабилизации, консервации. Правовая стационарность правового сознания зависит от качественного состояния правовой ментальности, степени имманентных ей духовно-психологических структур.

Правовое сознание предполагает не только интеллектуальное постоянство, но также рациональную и эмоциональную изменчивость, поскольку, без последней бытие любого социального явления немислимо. Сложная диалектика существования индивидуального, группового и общественного правосознания показывает нам, что данные типы право-ментальных структур не автономны, несмотря на их относительную самостоятельность, но динамично взаимодействуют. Теория анализирует вариативность правовой сферы общества и прогнозирует развитие правовой ситуации. Для выполнения данной задачи правовому менталитету необходима помощь дискурсивного правосознания.

Сущность и значение правового менталитета невозможно понять без анализа соответствующего правового мышления, обусловленного культурно-правовой традицией. Каждому обществу присуща своя национальная правовая система со свойственным ей правовым менталитетом, правосознанием, стилем юридического мышления. Данная специфика складывается не сразу, а возникает эволюционно, в ходе длительного право-культурного развития.

Содержание правового менталитета отражает этот процесс, что проявляется и в характере мышления, и в образе действия. В рамках социально-правовой и этнической ментальности складывается характерный только для данной культуры стиль правового мышления, «думания», рефлексии. Он по-своему уникален, специфичен, неотделим от социального менталитета.

Правовая «автономность» общества, в первую очередь определяется собственным способом правового осознания и переживания, особым характером мыслительной, творческой деятельности разума. В правовом мышлении происходит сложнейший психологический процесс осмысления, интерпретации, мысленного моделирования правовой жизни общества.

Для понимания природы правовой ментальности порой недостаточно чисто аналитического мышления, требуется пристальное созерцание данного явления с целью уловить даже «мельчайшие» идеально-духовные фрагменты, образующие право-ментальную целостность.

По выполняемым функциям правовое сознание также отлично от правового менталитета. Функциональной характеристикой первого является творческое созидание правовых норм, практическая реализация предписаний права. Правовое сознание есть идеологический источник положительного права, оно способствует технико-юридическому совершенствованию законодательства и процедурных механизмов в праве.

С помощью рационально-интеллектуального элемента правосознания проводится технико-юридическая экспертиза принимаемых нормативно-правовых актов, делается заключение об их законности, вырабатываются научные рекомендации по усовершенствованию данных актов. Так законодатель из альтернативных законопроектов должен выбрать один, наиболее подходящий для общества и учитывающий особенности его правосознания. Кроме того, логическая подсистема правосознания научным путем формирует и обосновывает правовые конструкции, выдвигает теоретические гипотезы и другое, на что не способна правовая ментальность.

Понимание, знание и интуитивное чувство законодателем национально-правового менталитета являются необходимой и надлежащей духовной гарантией законности и правопорядка. Русский философ и теоретик права И. А. Ильин отмечал, что внутреннее убеждение людей в существовании «справедливого» и «несправедливого», «законного» и «незаконного» имеется объективно, независимо от внешней формы выражения и осуществления действительного права. Оно может быть представлено в виде «правового чувства», «инстинкта правоты» или «интуиции правоты» и направлено на внешние отношения людей друг к другу. Раскрыть и описать содержание этого «смутного» инстинктивного чувства, перевести его из бессознательного чувства в план знания – значит «положить начало зрелому естественному правосозна-

нию» [5, с. 80]. А если здоровое правосознание действует с большей интенсивностью и в большем объеме, то тогда порядок общественной жизни оказывается более прочным и устойчивым [5, с. 294].

Формирование правовой базы в любом обществе не является самоцелью, а представляет собой юридический путь нормативной регуляции общественных отношений. Поэтому депутаты того или иного государства в своей правотворческой деятельности обязаны учитывать правовой дух общества, его стремление к лучшему, справедливому порядку.

Следует согласиться с Р. С. Байниязовым, что уже давно назрела необходимость формирования целостной научной концепции отечественного правового менталитета [1, с. 37]. Актуальность и слабая разработка данной проблемы сегодня вполне очевидны. В особенности это касается вопроса, связанного с советским прошлым и современным кризисным состоянием российского правосознания. Работы известных российских правоведов в области изучения правового сознания (П. И. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, И. А. Ильина и др.) не утратили своего значения, но не могут быть в полной мере использованы для адекватного объяснения современной российской правовой действительности. Это вовсе не умаляет их теоретической и практической значимости, напротив, для отечественной правовой традиции начала XXI века данные труды представляют огромную национальную ценность, как своеобразный «золотой фонд» правовой мысли России, своеобразной «культурологии права».

Российская правовая ментальность представляет собой неоднозначный, чрезвычайно сложный, противоречивый, а вместе с тем оригинальный, самобытный социально-правовой феномен. Это связано с рядом обстоятельств, в первую очередь, исторических, определивших ее специфические особенности и содержание.

На формирование специфического российского менталитета, в том числе и правового, огромное влияние оказало принятие христианства, открывшего славянским народам Руси дверь в западный мир. Это благотворно повлияло на становление правовых знаний славян. Многие были заимствованы из византийского права, а если точнее, из православного варианта римского права. Однако долгое время русские юристы в силу исторических обстоятельств относились к праву скорее философски, нежели прагматически. За многие века от Русской Правды, содержащей запись многочисленных вариантов обычаев XI–XIV столетий, до свода Законов 1832 года не произошло сколько-нибудь существенной модернизации права в России. Либеральное движение за реформы развернулось только во второй половине XIX века, после отмены крепостного права. Именно на этот период приходится рост интереса к философии права и теоретическому осмыслению реальной судебной практики, как в России, так и за ее пределами. По-видимому, история и специфика русской жизни XIX в. предопределили выбор отечественными юристами ценностных ориентиров, а именно: они не считали право, продуктом судебной практики, предпочитая рассматривать норму права, как норму поведения. В таком случае тот или иной правовой вопрос следует решать законодательно, а не с помощью судьи, то есть необходимо в первую очередь отталкиваться от философии права и этических положений, а затем переходить к формулировке правовых норм, которыми должны руководствоваться судьи.

Неразвитость юридической традиции в России до второй половины XIX века давала себе знать в том, что писаное право было чуждо народному сознанию. Крестьянская масса продолжала жить согласно дедовским обычаям и традициям. Многие мыслители, как правого, так и левого толка – славянофилы и Ф. М. Достоевский, с одной стороны, народники и анархисты, с другой, были склонны видеть в патриархальном крестьянстве воплощение духа истинной, братской общности, которая может легко обойтись без писаных законов и не допустить развития буржуазного индивидуализма. И те, и другие осуждали гражданские права и политические свободы, доказывая, что они лишь маскируют капиталистическую эксплуатацию. Считали развитие капитализма и присущее ему все большее «оправдание» общественных отношений специфическим свойством Запада, привнесенным в Россию и для нее чуждым. Либеральная концепция правозаконности отвергалась по самым разным причинам: во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства.

В частности, славянофилы усматривали в правовых нормах попытку пагубной рационализации общественной жизни, характерную для католического (а потом протестантского) Запада и восходящую к языческому наследию Древнего Рима: право как таковое было в их глазах «внешней правдой», заменяющей человеческую совесть полицейским надзором. А. И. Герцен видел в неуважении к праву также историческое преимущество русского народа – свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. Ф. М. Достоевский приравнивал права личности к правам эгоистических индивидов, отделенных друг от друга юридическими барьерами и не знающих никакой нравственной связи; юристы, особенно адвокаты, были в его глазах «современными софистами», цинично манипулирующими истиной из корыстных побуждений. Народники отрицали конституцию и политические свободы, как орудие буржуазной эксплуатации народа. Русские анархисты, Бакунин и Кропоткин, считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия – в отличие от Прудона, у которого анархизм сочетался, как известно, с признанием идеи суверенитета права (а не власти) и с «глубочайшим уважением к праву».

Для русского правосознания характерны следующие специфические черты, обусловленные в значитель-

нейшей мере православной парадигмой нашего национального менталитета: скептическое отношение к Закону, как к высшей ценности культуры («Не держись закона, как слепой забора», «Там и закон, где судья знаком», «Где закон, там и обида»), безусловный приоритет взаимоотношений в обществе, построенных не на договорных, а на «человеческих» принципах, отношение к преступникам как несчастным людям (Губернский исправительный Замок Бутырки, при Екатерине II назывались «Замок несчастно виновных»).

В формировании правового сознания русского народа сыграла огромную роль специфическая ситуация крещения Руси. В истории русской культуры отсутствует так называемая «героическая» или высшая мифология, т.е. мифология, представляющая собой некие сюжетные истории богов и героев. Такая мифология есть у греков, у германцев, скандинавов. Все исследователи античности признают факт, что низшая мифология в античной культуре с течением времени оставалась гораздо более устойчивой, чем высшая. Этому факту существует простое объяснение: представления низшей мифологии продуцировались человеческой психикой в то время, когда процесс индивидуализации сознания происходил еще очень медленно. Это именно представления, речь о каких-либо сюжетах для этой стадии развития культуры просто невозможна. Но именно постольку, поскольку низшие мифологические представления продуцировались человеческой психикой в состоянии «незамутненном» светом сознания, они и оказались наиболее устойчивыми в дальнейшем. Возникновение героических сюжетов связано с уже далеко зашедшим процессом рационализации человеческого сознания. Интересно, что развитых сюжетов славянской мифологии не существует, но словари низших славянских мифологических представлений выходят во множестве. Отсутствие героических мифов на Руси с успехом компенсировалось народной сказкой, с одной стороны, но, что гораздо более важно, принятием христианства, с другой. На Руси роль героической мифологии выполнила христианская житийная литература. Именно поэтому в качестве культурного героя древнерусской литературы легко выделяется образ святого старца, тогда как для западной средневековой литературы таким героем однозначно становится рыцарь, или воин, – сторонник одних богов, противник других, а в каких-то случаях – богоборец.

Известно, что на протяжении всей истории культуры российского государства, низшие мифологические представления, как им и положено (ведь повторяемость – это основное свойство мифа), с завидной регулярностью воспроизводятся в массовом сознании, что, впрочем, можно смело утверждать и в отношении западного массового сознания. Однако культурная ситуация Запада на момент крещения в конце IV в. в Римской империи в значительной степени отличалась от той, которая была на Руси в момент крещения. Во-первых, процесс индивидуализации сознания был в целом завершен, о чем окончательно свидетельствовало появление христианской идеологии – самой личностной из всех идеологий, существующих в культуре человечества. Во-вторых, между разрешением христианского культа в Риме и полным крещением языческих культов существует период около ста лет. В-третьих, христиане в Риме первоначально преследовались и эволюция от преследуемой церкви до государственной совершалась постепенно как снизу, так и сверху. Таким образом, очевидно, что в Западной Европе произошла смена мощной языческой традиции, сформированной античностью, которая, однако, уже не отвечала потребностям общественного развития, новой христианской идеологии, создавшей условия для формирования новой культурной парадигмы. На Руси же процесс индивидуализации и рационализации сознания происходил не в рамках языческой традиции, а в условиях становления христианской парадигмы культуры. Таким образом, основные христианские идеи усваивались народным сознанием в наиболее буквальном виде. Эта мысль, конечно же, не нова. Однако нам она представляется особенно важной в плане понимания особенностей русской правовой культуры в целом.

Речь идет о принципиальной отличии христианской парадигмы культуры от всех предшествующих культурных парадигм, которые можно сформулировать следующим образом: основным культурным принципом всего дохристианского мира является Закон, а основной культурный принцип христианства – Благодать. «... Закон есть высшая ценность ветхозаветной религиозной этики, а может быть, и всей дохристианской этики вообще» [2, с. 16].

Юридические отношения с богами представлялись основным принципом дохристианской античной культуры А. Ф. Лосеву, который характеризовал религиозное чувство римлян как очень осторожное, мало доверчивое. «...Римлянин не столько верит, сколько не доверяет. Он держится подальше от богов. Настроение и душевное состояние вообще играли малозначительную роль в этой религии. Надо было уметь выполнить форму культа, надо было знать, какому богу, когда и как молиться - и бог не мог не оказать помощи, он юридически был обязан помогать. Бог обязан действовать, если соблюдены все правила молитвы» [6, с. 35, 37].

Жизнь в законе, в праве и государстве есть совершенная жизнь. Это убеждение живет в народном сознании античности, выражается в поговорках, в изречениях популярной морали и педагогики. Когда Кира спросили, кого он назовет несправедливым, тот отвечал: «Не применяющего закон». Солон в ответ на вопрос, как наилучшим образом живут в государствах, сказал: «Если граждане повинуются властям, а власти законам». Демосфен говорил, что законы являются душой государства. Демадий считал, что для рабов необходимость есть закон, а для свободных – закон есть необходимость.

Тот же принцип закона лежит в основе всей философской античной этики. Сократ был мучеником закона: лучше умереть, соблюдая закон, чем нарушить закон. Такова и тема платоновского «Критона». Сократ в темнице видит, как приходят к нему «Законы» и говорят: «Мы вскормили тебя и споили, мы дали тебе жизнь, отечество и все ценности, которыми ты жил, неужели ты можешь помыслить о том, чтобы нас попать?» [2, с. 28].

Этический идеал расцвета греко-римской культуры есть идеал государства, идеал законодательного совершенства, идеал справедливости как гармонии всех струн (Платон), как светила более прекрасного, нежели вечерняя и утренняя звезда (Аристотель). Но справедливость есть идеальная закономерность, «естественный закон». И если Платон назвал «Законами» свое последнее произведение, то, в сущности, и «Государство» свое он мог бы назвать «Законами», ибо для него государство есть воплощение закона, порядка, меры («симфонии» и «симметрии»). И для Аристотеля совершенное государство есть то, в котором властвует закон. А вне государства нет жизни для человека: «вне государства - или животные, или боги» [2, с. 29].

Тот факт, что Христос запрещает клятву, является прямой оппозицией закону и Ветхому Завету. Согласно христианским представлениям в Царстве Божьем не может быть договорного начала, оно метаюридично; «...нельзя становиться в договорные начала к абсолютным ценностям. Небо, землю, жизнь человека, храм, жертвенник, Иерусалим – все это нельзя делать как бы залогом договора, «закладывать» (Вышепославцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 33) Это полное исключение договорного начала, нормы закона, как высшего принципа этики, но не посредством нарушения и преступления, а посредством снятия самого принципа закона и договора и становления иного, высшего этического принципа – Благодати. Ибо любовь к Богу, как Отцу, не есть договор, и любовь к братьям не есть договор и потому не есть «закон дел» и не может быть нормой правоотношения» [2, с. 34].

Правосознание русского народа, как в целом содержание русской духовной традиции, невозможно проанализировать, опираясь на работы Локка, Гегеля или Спенсера, на методологию позитивизма. С точки зрения позитивизма, право является выражением известного соотношения сил и интересов, складывающихся в обществе. Доминирующим в правосознании Запада стало юридическое мышление, сформированное языческой философией римского права. Право Запада развивалось как право закона, а не как право Благодати, что связано с самим происхождением феномена римского права из языческого, религиозного ритуала. В дальнейшем римское право развивалось в плане становления идеи справедливости. Стержневой же идеей христианства, как известно, сделалась убежденность в том, что любовь выше справедливости. В этом отношении русская философия вообще и философия права, в частности, представленная такими именами, как Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и другими, явилась наследницей православной традиции, которая обогатила античное понимание мира как единого бытия блага и свободы человека идеей любви. При этом зло не могло утверждаться первоначально как бытие, а являлось результатом действия свободной воли человека, если та преступно расходилась с волей, Богданная особенность пренебрежительного отношения к праву в настоящее время приняла несколько иные формы, что обусловлено радикальным переустройством всей нашей действительности времен тоталитаризма. Но в онтологическом аспекте это не изменило сущности правового менталитета, что, в частности, проявилось в бурном «расцвете» юридического нигилизма, который глубоко укоренился в сознании людей. Как специфическое социальное явление, как свойство общественного, группового и индивидуального сознания правовой нигилизм имеет различные формы проявления: от равнодушного, безразличного отношения к роли и значению права через скептическое отношение к его потенциальным возможностям до полного неверия в право и явно негативного отношения к нему [7, с. 253].

Характерной особенностью русской правовой ментальности является этатизм. Власть в России вне зависимости от смены режимов и наличия или отсутствия демократических ритуалов традиционно всегда носила авторитарный характер. На переломном этапе российской истории государство присвоило себе право вторгаться в повседневную жизнь каждого сообщества, каждой личности. Причина была в том, что «массовое сознание признавало за властями право совать, грубо говоря, нос во все детали частной жизни. Не только свой дом россияне не считали своей крепостью, но и бороды не воспринимали как свое личное достояние. Не потому, что им было чуждо чувство собственного достоинства, просто порог чувствительности в российской, культурной традиции был, по сравнению с иными странами, заметно сдвинут в сторону расширения правомочий государства» [11, с. 120]. Отсюда характерное для русского человека патерналистское отношение к своему государству, понимаемому высшей, самоценной, неподсудной инстанцией. Фактически на государство переносится культ Матери-земли, мифология природы. Лишь в последнее время культ Государства, вера в его могущество, покровительство, правоту по всевозможным вопросам, потребность служить ему и жертвовать всем подорвались и, сохраняясь только у представителей старшего поколения советских людей как романтические воспоминания о бывшем Советском Союзе, коммунистических идеалах, собственных бескорыстных подвигах во имя Отчизны и ее суровых, но по-отечески справедливых вождях.

Гипертрофия государства и атрофия гражданского общества, полное или почти полное подавление первым второго обуславливают такую черту менталитета российских граждан, как нехватка собственно общественных интегрирующих основ, очень слабая способность русских к самоорганизации, что особенно заметно проявляется во время кризиса. В периоды политических катаклизмов, когда государство разваливается или становится неспособным выполнять свои функции, русские подчас демонстрируют удивительную беспомощность, в то время, как многие национальные меньшинства, привыкшие полагаться на свои силы, а не на покровительство государства, оказываются в гораздо более выгодном положении.

Особенности отношения гражданина к государству в России (особенно с учетом длительного тоталитарного опыта) обуславливают значительную специфику его политического поведения. В такой ситуации самоустранение властей от решения многих вопросов и передача слишком многих управленческих функций обществу, которое как структурно, так и психологически не готово к этому, приводит к негативным последствиям. Немаловажно и то обстоятельство, что в силу длительной тоталитарной практики у людей нет опыта отстаивания своих интересов, нет цивилизованных правил борьбы за свои права. Сегодня мы наблюдаем картину, когда ранее подавляемые группы населения пытаются защищать свои интересы, отказывая государству в минимальной поддержке, тем самым, разрушая его в каждой точке. Такое разрушение, как это периодически бывало в России, начинается с противопоставления народа (тех или иных групп) государству, постепенно перерастающего в массовую враждебность, которая несет угрозу развала государств. В результате общество в России пока по-прежнему остается не субъектом, а объектом политического и правового творчества государственных органов и средств массовой информации. Сложившаяся ситуация создает социально-психологический фундамент извращенных подходов к пониманию и сущности прав человека. Они воспринимаются большинством населения не как совокупность, неотчуждаемых ни при каких обстоятельствах социально-экономических, политических, культурных и иных возможностей свободного самоопределения и свободной жизнедеятельности каждой личности, а как дар государственной власти, которая по праву сильного способна декларировать их или отменить.

Длительное отлучение народа от собственности породило во всех слоях населения люмпен-пролетарское сознание, которое, в свою очередь, обуславливает крайнюю неустойчивость общественных настроений, падкость на обещания, повышенную восприимчивость к демагогии.

Современной российской правовой ментальности присуща не только политическая демагогия и популизм, но и эклектичность воззрений, представлений, взглядов, идей и т.п. До сих пор обществу не понятны цели государственного строительства. Власть не дает на этот вопрос конкретного ответа, ограничиваясь ссылками на переходный характер общественного развития [1, с. 40].

Здесь следует напомнить, что переходные периоды в истории России скорее правило, чем исключение. Такие периоды – результат предшествующих неудач запаздывающей модернизации. Такое развитие страны приводит ее социокультурную систему в особое состояние, формирует специфическое сознание и поведение. Это состояние после (или во время) серии «неполных» модернизаций, повторяющихся через одно-два поколения и с неизбежно высокой социальной ценой. Причем общество этого периода – переходное, маргинальное общество – является не просто временным культурно-историческим феноменом, а представляет собой самостоятельное специфическое состояние маргинальной социальной системы, имеющее свою логику и механизмы. Именно здесь формируются те новые установки и стереотипы поведения, которые кажутся временными и легко корректируемыми, а оказываются стратегически ориентируемыми и «непробиваемыми».

С точки зрения современной теории развивающихся систем (синергетики) переходное общество – это неустойчивая, нелинейная система, которая имеет в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным, возможным законам поведения этой системы. Оно бурно развивается. В нем постоянно возникают альтернативы развития, которые существуют «потенциально», вне его пространства и времени, но могут возникать и стационарные неустойчивые состояния, критические состояния неустойчивости, когда слабые воздействия могут приводить к «неадекватным», масштабным, сильным реакциям, к неуправляемости системы.

Существенной особенностью проводимых реформ является также не использование исходного культурного, стартового потенциала общества. Мировой опыт говорит о том, что именно в тех странах, которые сумели правильно использовать полученное культурное наследие, модернизация оказалась наиболее эффективной. В России вследствие предельно радикализованного отрицания прежней системы культурных ценностей, новые ценности и нормы оказываются в пустоте, в подвешенном состоянии, в то время, как привлечение существующей культурной системы обеспечило бы им «систему коммуникаций» и облегчило бы восприятие их массовым сознанием, оградило бы от опасностей, сопровождающих крутую ломку сложившихся моделей сознания и поведения. Когда этого нет, а реформирование культуры проходит в режиме блокирования, разрушения и навязывания, то человек в модернизируемом обществе начинает ощущать со стороны власти еще одну «враждебность» – психологическую и идеологическую.

Неустойчивость переходных социокультурных систем и неэффективное, как правило, управление ими формирует у большинства людей ощущение неуправляемости общества и несостоятельности власти. Неумение и нежелание последней снизить социальную цену реформ и справедливо распределить ее в обществе воспринимается как злая воля элиты, как «экономическая враждебность» реформаторов. Разрыв между «духовной элитой», интеллигенцией и остальным населением углубляется и добавляется еще одним каналом враждебности: возникают и глубоко укореняются несовместимость, принципиальные различия в социальном мироощущении элиты и народа, в переживании ими истории и социального существования человека.

Постоянное действие этих и других каналов враждебности между верхами и низами делает неизбежным отношение последних к запаздывающей модернизации как к контролируемому элитой в своих интересах процессу с драматическими для народа последствиями, а к власти, к реформаторам как к организованной враждебной силе.

Так складывается долговременная и повторяющаяся ситуация коллективного стресса, «культурного шока», в котором социальные проблемы оцениваются как трагедия, несправедливость, угроза, результат наглого принуждения и вмешательства. Появляются и реализуются новые маргинальные стратегии и тактики выживания в обширном диапазоне: от пассивных форм ухода, бегства от реальности до агрессивного выживания и ценностного упрощения. Функционирование кризисного сознания соединяется с поисками основ для интеграционных действий.

В данной связи, на наш взгляд, проблема формирования правового сознания личности и общества становится насущной потребностью. Она возникает как форма социализации личности, как средство формирования и развития культурного потенциала общества.

Вместе с тем, следует отчетливо понимать, что эффективность протекания этого процесса во многом зависит от восприимчивости большинством населения новых культурно-цивилизационных реалий. Позитивная же реакция на них возможна лишь в условиях, когда хотя бы по минимуму удовлетворяются основные потребности людей, когда для любого человека обеспечивается не оскорбляющий его достоинства уровень жизни.

Другим существенным фактором, влияющим на формирование в общественном сознании позитивного отношения к праву, является создание, взамен существовавших ранее политических и правовых запретов, системы моральных ограничителей в поведении и действиях людей.

Необходимость такой системы вытекает из нашей современной жизни, в которой произошедшее за последние годы политическое и правовое раскрепощение человека, воспитанного в атеистической среде и имеющего неустойчивые нравственные ориентиры, привело к целому ряду парадоксов, в результате чего даже такая высочайшая ценность цивилизованного общества, как свобода, для многих превратилась во вседозволенность, возможность попирания прав других.

Таким образом, анализ взаимоотношений между правовым сознанием и правовой ментальностью показывает, что духовная и культурная жизнь правового сознания, его «самость» в огромной мере детерминирована особенностью правового менталитета, алгоритмом его действия в координатах общественного сознания и культуры. Правовая социализация и инкультурация индивида, прежде всего, предполагает интеллектуальное освоение им утвердившегося в социальной общности стиля правового мышления. Индивид получает уже готовые правовые знания, представления, принципы, идеи и т. д., на основе чего у него возникает сходный с типовым алгоритм правового мышления, стереотип реагирования на ту или иную правовую ситуацию. Стиль правовой мысли, образ правового мышления, имманентно присущее им содержание обуславливают соответствующее правовое поведение индивидов. Социальная и этноправовая ментальность задает образу правовых действий субъектов правовых отношений духовно-психологическую и культурную специфичность и определенность. Ментальная энергия стимулирует совершение юридических поступков, которые традиционны, привычны, удобны с точки зрения правовой культуры. При этом игнорируются либо преследуются нетрадиционные, аномальные (с позиции господствующего правового менталитета) правовые действия личности как не отвечающие содержанию данной ментальности.

Понимание, знание и интуитивное чувство законодателем народного правового менталитета есть совершенно необходимая и надлежащая духовная гарантия законности и правопорядка. И. А. Ильин справедливо отмечал, что если здоровое правосознание действует с большей интенсивностью и в большем объеме, то тогда порядок общественной жизни оказывается более прочным и устойчивым [5, с. 294]. Правовой «баланс» интересов и потребностей личности, общества и государства достигим только при условии выявления и учета онтологических, аксиологических, культурологических и иных особенностей правового духа народа. Это дает возможность достичь большей правовой, социальной и культурной «синхронизации» потребностей, интересов и целей индивидов.

Литература

1. Байниязов Р. С. Правосознание и Российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2.
2. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
3. Гурвич А. Я. Культура средневековья и история конца XXв. // История мировой культуры. Наследие Запада. М., 1998.
4. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.
5. Ильин И. А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4–5.
6. Лосев А. Ф. Эллинско-римская эстетика I–II вв. М., 1979.
7. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1999.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
9. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первилова. М., 1997.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск, 1993.
11. Янов А. Тень грозного царя. М., 1997.